

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Булаховський Л. А. Вибрані праці в п'яти томах. — Київ: Наукова думка. Т. I — 1975, 496 с.; Т. II — 1977, 632 с.; Т. III — 1978, 592 с.; Т. IV — 1980, 576 с.; Т. V — 1983, 616 с.

Издание трудов Л. А. Булаховского стало важным событием нашей научной жизни. В пяти томах около трех тысяч страниц, на которых разместилось десять монографий и 67 статей из четырехсот работ покойного академика, известных нам полностью или в незаконченном виде. Таким образом, пятитомник — не совсем полный свод, однако нужно помнить, что в нем опущены большие книги автора (некоторые из них не раз переиздавались), учебники, большинство рецензий и множество заметок и выступлений по поводу текущих научных дел. Отбор работ для публикации в академическом собрании произведен вдумчиво и основательно. Редакционная коллегия в составе И. К. Белодеда, Ю. Л. Булаховской, В. А. Дыбо, Т. Б. Лукиновой, А. С. Мельничука, О. Н. Трубачева рачительно отобрала все то, что сохраняет высокую научную ценность сегодня. Мало сказать, что некоторые из опубликованных работ впервые напечатаны именно здесь; и большинство прежних публикаций стало библиографической редкостью, сохраняя между тем свое научное или историческое значение. Теперь они снова доступны для читателя и, обретя вторую жизнь, становятся фактом современной науки. Жаль, может быть, только рецензий и персональных, опущенных ввиду ограниченного объема. Наши учителя много и охотно писали рецензии не только на монографии, но и на статьи своих коллег. Эти быстрые отклики на актуальные проблемы науки, на только что обнародованную точку зрения, на новые материалы давали столь необходимую для активного развития науки «обратную связь», какой, к сожалению, сейчас нет. Мнение авторитетного ученого, высказанное кратко, но всегда аргументированно, позволяло расставить акценты на результатах текущей научной работы, внести необходимые поправки и в конечном счете ориентировать ученых в нужном направлении исследования. Подобные рецензии были не формой самовыражения их авторов, а практической формой организации науки. И для самого Л. А. Булаховского, рецензия — оперативный жанр, который имел исключительное значение в развитии новых идей. Большинство его оригинальных исследований выросло как раз из предварительных откликов на работы коллег; по мере ис-

полнения, развития мысли и переработки конкретного материала они становились совершенно самостоятельными исследованиями. Общественный темперамент ученого и университетского профессора требовал от него такой же — публицистической — реакции на важнейшие события современной ему науки. Оттого они и сохраняют накал борьбы своего времени, но также и индивидуальную манеру ученого и тот, как сказали бы мы теперь, конструктивный вклад Булаховского в практику научного исследования, который удивительно ясно представлен в пятитомнике.

В подобном отклике на живейшие проблемы дня уже виден представитель Харьковской школы лингвистики, каким и был Булаховский (свое влияние на него оказала и Петербургская школа, представители которой также отличались публицистической активностью). Публицистичность и индивидуальность, но также и непреходящая актуальность работ Л. А. Булаховского определяются и тем, что большинство из них первоначально готовилось для студенческой аудитории, т. е. было устремлено в будущее, которое мы сегодня и переживаем. Аннотации на выступления и тезисы докладов — также характерный для Булаховского научный жанр. Видимо, в архиве найдутся и отзывы на диссертации, по которым ученый выступал в качестве оппонента, — еще один жанр творчества современного ученого, ставший почему-то апокрифическим. Между тем отзыв ведущего специалиста — всегда событие, и жаль, что ВАК не издает лучшие из них хотя бы в качестве образца для подражания другим оппонентам.

Из остальных особенностей публикуемых работ отметим следующие.

Эти работы написал специалист, глубоко знающий конкретный материал и широко образованный. В самом подходе к интерпретации каждого лингвистического факта легко заметить одновременно и генетические, и типологические истолкования, поскольку язык воспринимается как многоаспектный объект социальной истории. Даже частная словарная иллюстрация, необходимая по ходу изложения, несет с собой информацию о культурном фоне, который этот факт породил, о научной школе, которая его интерпретировала, и о том велении времени, которое заставляет обращать

внимание именно на данный лингвистический факт. Ничего случайного в материалах Булаховского нет.

В науке Л. А. Булаховский предпочитал идти непроторенными путями, избирая для исследования наиболее сложные и самые спорные проблемы. Оттого-то два последних тома и посвящены полностью исследованиям по славянской акцентологии — той области языкознания, которая до сих пор признается наиболее сложной, но исключительно важна для теории языкознания, так и в практике научного исследования языка. После 1920 г. в течение почти сорока лет Л. А. Булаховский был у нас в стране единственным акцентологом, сохраняя преемственность научных исследований в данной области от гениальных трудов Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и Л. Л. Васильева до наших дней. Оценивая результаты деятельности ученого, уже ушедшего от нас, не следует забывать и подобный — гражданственный — вклад в развитие науки.

Л. А. Булаховский — славист в широком смысле слова, а потому и «узкие» темы (вроде изучения отдельного суффикса в одном языке или у одного автора) мало его интересовали. Он изучал язык проблемно, в категориальном его наполнении, пытаясь обнаружить основную закономерность развития или функционирования языкового явления в данный период или в известном языке. Это касается и этимологических штудий, и истории литературного языка, и акцентологических реконструкций — любой проблемы, которую затрагивал ученый.

В первый том вошли очерки по общему языкознанию — переработанные для книги публикации 20-х и 30-х гг., и популярных и научных, и реферативных и исследовательских, и исторических и описательных. Здесь много заметок по методологии и методике научного исследования (в те годы советская лингвистика только создавалась); особое внимание уделяется анализу текста, проблеме происхождения языка и его развития, в частности — проблеме «прогресса» в языке, а также теории письма, социолингвистическим и психолингвистическим проблемам языкознания, — другими словами, всему тому, что интересовало языковедов в первой половине XX в. Но и сегодня мы возвращаемся к тем же проблемам, уже обогащенные опытом структурного, типологического и контекстного изучения языка. Сжатое изложение основной проблематики в методологическом ее отношении с традиционной точки зрения явится полезным руководством в лабиринте уже решенных вопросов теории. Коспективно, но в принципиальном решении касается Л. А. Булаховский всех сторон языковой функции, которые сегодня вновь становятся актуальными. Эту незавершенную книгу воспринимаем как завещание — наши предшественники поставили перед нами задачи, и вчитываясь в них, начинаешь понимать, что ничего принципиально нового вторая половина века языкознанию не принесла: она только отработывала установки, сделан-

ные гораздо раньше. Верный себе, Л. А. Булаховский большое внимание и здесь уделяет практическим вопросам, также актуальным сегодня: художественная речь, эстетика слова, культура речи в социальных и психологических тонкостях (например, о влиянии речи женщин и детей на развитие просторечия, о гиперизме как явлении социальной психологии, и т. д.), хотя и без подробностей изложения. Подробностями эти проблемы обрастают в трудах последователей и учеников.

«Возникновение и развитие литературных языков» рассматривается на широком предметном поле истории всех европейских литературных языков; автора интересуют типологические закономерности образования национальных языков в новое время. И это чрезвычайно актуальная постановка проблемы, поскольку сегодня история литературного языка все резче предстает как история культуры языка; возникает необходимость проследить развитие каждого национального языка как факта духовной культуры развивающейся нации. Основной тезис, который Булаховский доказывает в данной работе, и сегодня звучит современно: культурные и политические обстоятельства в процессе формирования новых литературных языков иногда преобладали над собственно лингвистическими, возникала некая «компромиссность» в отношении к диалектной основе литературного языка. Не один какой-то говор становился основой литературного языка нации, а некоторая их усредненность, представлявшая общенациональные тенденции развития (автор показывает это на примере акцентных норм в современном украинском языке, на материале среднерусских говоров и т. д.). Другими словами, и литературный язык проходит обычные стадии развития нового качества — путем столкновения и смещения разнотипных систем. Булаховский рассматривает и многообразные процессы «шлифовки» литературного языка как социально важного коммуникативного канала: ясность, точность, лаконичность и другие его свойства с точки зрения передачи смысла. В развитии новых норм подчеркивается и значение популярных в то или иное время литературных жанров — в наши дни это научно-популярная литература и публицистика. В этом утверждении Булаховский современнее многих других авторов, разрабатывающих ту же проблематику в наши дни. Специально подчеркивается выдающаяся роль в этом процессе не одних только писателей-классиков, но и грамматистов, и создателей образцовых словарей. Дело ведь не только в тех, кто порождает образцовые тексты, но и в тех, кто на основе таких текстов создает «парадигму» литературной нормы. В конечном определении основных признаков «литературного языка» Булаховский склонялся к мнению, что его «письменность», пожалуй, важнее «нормативности», поскольку компаративисту ясно, что «нормативность» всегда присутствует и в «народно-разговорном языке»; «нормативность» вообще есть в любой языковой

с и с т е м е, поскольку каждая система структурно организована именно как «нормальная». Отсюда один лишь шаг до современного разграничения «нормы» и «стандарта», что во время написания работы было еще неизвестным.

Второй том целиком посвящен украинскому языку; здесь работы о происхождении и развитии украинского языка, о литературном языке, о языке украинских писателей. Изданные в полном виде, эти работы выглядят очень внушительно и дают представление о личном вкладе Л. А. Булаховского в обоснование самостоятельности и национального своеобразия украинского языка (в том числе и украинского литературного языка); в начале нашего века это приходилось еще доказывать, и многие работы Булаховского в историко-сопоставительном исследовании в отношении к русскому и белорусскому языкам сыграли в этом ведущую роль. Сейчас в таких работах мы не видим уже никаких публицистических преувеличений или национальных пристрастий, как видели их современники. От публицистики через научное исследование к утверждению самостоятельного значения проблемы — такой путь прошла в исследованиях украинского академика и эта социально важная проблематика. Пожалуй, только в отношении к некоторым древнерусским материалам сегодня можно было бы внести некоторые фактические поправки. Так, переход *е* в *о* после шипящих (типа *носящому*), чередования *у ~ в*, рефлексия отвердения /*r*/, развитие флексии *-ои* в дат. п. ед. числа, некоторые лексические явления (*оболонь*, *вервь*, *вазань*, *въкраина* и др.) не являлись чисто украинскими (или, как по традиции называл их Булаховский, — «ужно-русизмами») в древнерусский период.

Третий том посвящен работам по славистике и русистике. Все они также легко собираются в тематические «комплекты», поскольку представляют собою совместное как бы части незавершенных книг: этимологические исследования, работы по истории литературного языка, о грамматической аналогии и т. д. Показаны, например, различные типы аналогий, направление индукции в каждом конкретном случае, синтаксические контексты, в которых индукция оказывается возможной, обязательно в связи с морфологическими результатами (особенно подробно разработана теория альтернатив и значение акцентных чередований), с учетом исключений на лексическом уровне и в обязательной связи с ведущими категориальными изменениями системы (подробнее всего в связи с развитием категорий рода, числа, падежа). Абсолютной ценностью обладают работы Булаховского о языке и стиле («Слова о полку Игореве», в том числе и знаменитые конъектуры к тексту (например, в «попевке Баяна» «не пьтцу горазду» вместо «не птицу» — поскольку это явная несообразность с общим контекстом). В литературе об этом древнерусском памятнике не много найдется столь содержательных и доказательно представленных результатов, как в этом цикле

статей и заметок. Хорошо, что он собран теперь в одном месте.

Четвертый и пятый тома посвящены славянской акцентологии. Хорошо известно, что Л. А. Булаховский собирался издать большую работу «Введение в славянскую акцентологию»; предварительные публикации, а также прежде не публиковавшиеся части этого труда, собранные теперь вместе, показывают весь этот грандиозный замысел. В монографии описываются в отношении к акцентным системам все славянские языки, здесь же собраны и редчайшие издания акцентологических этюдов Булаховского, а также заметки довоенных лет, статьи и рецензии, касающиеся акцентологических законов Фортунатова — де Соссюра, Розвадовского, Шахматова, Вейка, Мейе, Васильева и других. Напомним здесь, что и «законом Станга» именно Булаховский в рецензии на «Славянскую акцентологию» этого норвежского слависта назвал выделенную последним отяжку ударения со срединного нисходящедолгого слога на предшествующий начальный слог слова (см. т. IV, с. 534). Опять-таки верный своему отношению к актуальности научной проблематики, Булаховский и здесь исследовал наиболее спорные, иногда на первый взгляд безнадёжные и во всяком случае сомнительные (до сих пор неясные) аспекты акцентной истории, как бы готовя современную нам акцентологию к истолкованию подобных фактов в общем системном отношении. Неизвестно, была ли бы вообще возможна современная акцентология без тщательной обработки всех таких неясных фрагментов системы праславянского языка. Именно, Булаховский исследует проблемы, связанные с полударными редуцированными, с новоакутем в спорных словах (типа *вляя*), он изучает изменение интонации в «мягких» типах именных основ (**jo*, **jā* — об этом специфически славянском аспекте иногда забывают современные акцентологи), об акцентовке архаических форм (например, в консонантных основах), о своеобразии акцентовки имен среднего рода или **ž*-основ, суффиксальных слов, а также утраченных форм супина или дуалиса. В последнем случае он решался идти против установившихся в мировой науке утверждений, говоря, например, что в форме им.-вин. дв. числа мужского рода никогда не было окончательного ударения. Все эти, на первый взгляд, частные вопросы, на самом деле были важны как приближение к системному исследованию акцентных единиц и парадигм, а также как возможность адекватного истолкования многих грамматических изменений в языке (например, форм типа *gorodŭ* во мн. числе). Лишь в отношении к так называемым «метатониям» интерпретации Булаховского сегодня кажутся во многом устаревшими (но покажутся ли они таковыми в XXI веке, когда мы снова отойдем от интерпретаций по акцентным парадигмам?!); особенно это относится к так называемой «новоциркумфлексной» интонации, существование которой во всех славянских языках теперь подвер-

гается сомнению. Современная акцентология уже не принимает и чрезмерной усложненности фонетической транскрипции, свойственной старой акцентологии. Тем не менее издатели с чрезвычайной тщательностью и точностью передали в пятитомнике все тонкости акцентологической транскрипции, использованной Булаховским (иногда, от работы к работе, она менялась, что также учтено при переиздании). Набор этих томов исключительно сложен по типографским знакам, но все же эти знаки, как и следует академическому изданию, налицо; это повышает уровень издания, делая его непревзойденным (в прежних публикациях были опечатки, которые нуждались в корректурных исправлениях). Публикация всех трудов Л. А. Булаховского по акцентологии важна тем, что подводит итог предшествующих исследований по славянской акцентологии и делает зримым тот качественный рынок современной акцентологии, который подобными трудами и был подготовлен. Вместе с тем в исследованиях Булаховского сохраняется множество идей, еще не разработанных

современной наукой; они — по-прежнему программа для ученых (прежде всего это касается проблемы количественных различий и оппозиций в славянских языках).

Говоря об издании, невозможно обойти вниманием самоотверженной работы издателей, готовивших тексты и следивших за их подготовкой к печати. Особенно большой вклад в эту работу внесли сотрудники Института языковедения АН УССР Т. Б. Лукинова и (для акцентологических томов) В. Г. Складченко. Издания представляют современный уровень исполнения мемориальных изданий: кроме археографических и кодикологических комментариев, мы найдем здесь и вводные статьи, и библиографию, и (чрезвычайно важно!) словоуказатели к акцентологическим томам, что делает это издание настоящей энциклопедией научных трудов Л. А. Булаховского. Книга снабжена иллюстрациями, прекрасно издана и сразу же оказалась в центре современных лингвистических проблем и забот.

Колесов В. В.

Schanidze A. Altgeorgisches Elementarbuch. I Tl. Grammatik der altgeorgischen Sprache. — Tbilissf: Universitätsverlag, 1982. 197 S.

На фоне заметно выросшего за последние два десятилетия интереса зарубежного языкознания к проблемам картвелистики со всей определенностью заявляло о себе отсутствие широко доступного руководства по древнегрузинскому языку. Крайне немногочисленные публиковавшиеся за рубежом работы этого плана либо уже давно устарели [1, 2], либо очень схематичны [3]. Поэтому должно быть очевидным, что с выходом в свет немецкой версии известной монографии А. Г. Шанидзе, посвященной древнегрузинскому языку [4], удовлетворяется уже длительное время ощущавшаяся в среде негрузинского, в том числе и отечественного, читателя потребность в подобного рода издании.

В целом рецензируемый немецкий перевод книги, выполненный Г. Фебрихом, очень близок к тексту его грузинского оригинала и полностью повторяет его структуру — помимо вступительных параграфов, в которых, в частности, рассмотрены письмо и фонетика древнегрузинского языка, здесь имеются занимающий основной объем работы раздел морфологии и словообразования, а также раздел синтаксиса. Основные его отличия от грузинского издания заключаются в предпосланном к немецкому переводу предисловии автора, в отсутствии краткого древнегрузинского словаря, заключавшего грузинскую публикацию (все языковые иллюстрации переводятся здесь непосредственно в тексте), в довольно незначительном сокращении числа однотипных примеров, а также в отдельных примечаниях, адресованных читателю, не знакомому с картвельстикой.

Обращаясь к содержанию монографии, необходимо отметить по крайней мере два следующих, бросающихся в глаза

картвелиста обстоятельства. Во-первых, изложение древнегрузинского материала построено автором в терминах метаязыка описания номинативной системы. Во-вторых, интерпретация фактов отчетливо отражает основные черты грамматической концепции А. Г. Шанидзе, развиваемой им уже в течение длительного времени.

Рецензенту уже приходилось подчеркивать высокую степень адекватности разработанной автором модели описания для дескриптивного анализа не только современного грузинского языка, как она представлена, например, в его фундаментальной публикации 1973 г. [5], но и древнегрузинского. Действительно, совокупность понятий переходного и непереходного глагола, прямого и косвенного дополнения, залога (строящегося прежде всего на базе оппозиции актива и пассива), версии (субъектной, объектной и нейтральной), субъектной и объектной серий личных показателей глагола, именительного падежа составляет, как известно, характерный инструментарий описания языков, являющихся в своей основе представителями номинативного строя. Вместе с тем, вполне естественно, что ввиду типологической неоднородности картвельских языков автор прибегает в нескольких случаях и к понятийному аппарату, используемому в компаративистике по отношению к тем фрагментам структуры индоевропейских языков, которые не укладываются, строго говоря, в рамки номинативной системы. Ср., в частности, используемое здесь понятие депонентных глагольных словоформ, которые, принадлежа формально пассивному залогу, имеют семантику активного (ср. депонентные формы латинского глагола), а также понятие медиума, выделяемого наряду с активом и пассивом. Нетрудно увидеть, сколь ценны